

Кровавый Демон-Предок и змеелюд всё ещё пререкались, до хрипоты споря о даосах и буддийских монахах.

Цю Чэньчжи смотрел на них со всё возрастающей прохладой.

Внезапно Кровавый Демон-Предок, словно окончательно потеряв терпение в споре, резко шагнул вперёд. С искажённым от ярости лицом он замахнулся, намереваясь ударить змеелюда по лицу.

Однако в самый последний миг его кулак резко ушёл в сторону. Пальцы скрючились, превращаясь в смертоносные когти, и с сокрушительной стремительностью устремились к горлу Цю Чэньчжи.

Змеелюд среагировал одновременно с ним, будто они заранее читали мысли друг друга. Правая рука, которой он до этого прижимал рану, молниеносно взметнулась вверх, целясь в запястье Цю Чэньчжи, чтобы лишить его меча.

Слаженность их действий была безупречной. Комичная перепалка в один миг сменилась смертоносным выпадом с двух сторон — демоны рассчитывали скрутить противника в одно мгновение.

Однако когти демонов схватили лишь пустоту.

Цю Чэньчжи, разгадавший их замысел с самого начала, легко уклонился от двойного удара. Его лицо оставалось бесстрастным, и лишь на губах заиграла едва заметная насмешка.

"Тоже мне, бродячие комедианты. Разыграли перед ним дешёвый фарс, один запеваёт — другой подхватывает. Неужели они всерьёз думали, что его так просто провести?"

Прежде чем нападавшие успели осознать неудачу, Цю Чэньчжи ушёл с линии атаки. Резкий поворот кисти, короткая вспышка холодного стального блеска — и он толкнул раненого змеелюда прямо на Кровавого Демона-Предка, а сам стремительной стрелой рванул назад, к лежащему без сознания ученику.

Кровавый Демон-Предок, которому в объятия внезапно швырнули тяжелую тушу змеелюда, на мгновение замешкался. Осознав произошедшее, он испуганно обернулся и похолодел: белоснежный силуэт заклинателя уже плавно опустился возле бесчувственного юноши.

В то же самое мгновение змеелюд в его руках истошно взвыл. Крик был настолько пронзительным и полным муки, что кровь стыла в жилах.

Кровавый Демон-Предок опустил взгляд. На сырой земле, слабо содрогаясь в конвульсиях, лежала свежесечённая, залитая багрянцем рука.

Половина змеиного тела окрасилась кровью. С одной стороны обрубок запястья, с другой — пустующее плечо; демон выглядел жалко и жутко.

В ту мимолётную вспышку, когда они решились на отчаянный бросок, этот человек не просто лишил змеелюда второй конечности лёгким взмахом клинка, но и отобрал их единственного заложника.

Попытка обернулась полным крахом. Кровавый Демон-Предок мог лишь горько усмехнуться: противник изначально видел их дешёвые трюки насквозь и ни на секунду не воспринимал угрозу всерьёз.

Два некогда могущественных мастера, чьи имена заставляли трепетать весь мир совершенствующихся, теперь предстали в самом жалком свете: один тяжело ранен, другой полностью обессилен. Им нечего было противопоставить этому человеку.

Да и как они могли тягаться с тем, кто когда-то явился в этот мир как легендарное оружие, омытое реками крови? С бессмертным артефактом, подобного которому не рождалось целое тысячелетие.

При мысли об этом величии Кровавый Демон-Предок, уже готовый безропотно принять смерть, невольно вновь посмотрел на Цю Чэньчжи с безумным вожделением.

Столь сокрушительная мощь, непостижимая глубина совершенствования, уникальный, рождённый Небесами дух оружия...

Почему, во имя всех демонов, это сокровище досталось старому псу Тяньцин-цзы!

Судя по всему, этот дух теперь верно служил Ордену Великого Небытия. Но если бы... если бы тогда демоническим землям удалось прибрать к рукам первозданное оружие...

Зависть и глухая обида затуманили разум Демона-Предка. Бессильная ярость вперемешку со страхом заставили его крупно задрожать.

Ему было уже плевать, оборвётся ли его жизнь под взмахом меча духа. Собрав последние силы, он хрипло спросил:

— Этот старый лицемер Тяньцин-цзы... он хоть раз говорил тебе правду?

Цю Чэньчжи как раз проверял дыхание лежащего на земле ученика. Убедившись, что юноша отделался лёгким испугом, он едва успел мысленно выдохнуть, как его настиг этот странный вопрос.

Заклинатель промолчал. Лишь повернул голову к Кровавому Демону-Предку, немо спрашивая своим видом:

"О чём это ты?"

Демон-Предок бесцеремонно оттолкнул хнычущего змеелюда и, глядя в лицо своему недостижимому идеалу, ядовито ухмыльнулся:

— Этот старый пёс Тяньцин-цзы... признавался ли он тебе, что когда-то пытался заживо переплавить тебя в печи вместе с твоим драгоценным клинком?

Цю Чэньчжи ответил не сразу. Выдержав паузу, он спокойно произнёс:

— Он сам мне об этом рассказал.

— Ну ещё бы, этот старый лис никогда бы не... Что?! — Демон-Предок осёкся на полуслове, его лицо вытянулось от крайнего изумления. — Он сам тебе признался?!

Как такое возможно? С каких это пор лицемеры из так называемых праведных орденов стали настолько прямодушными?

Заметив глубокое недоверие на лице собеседника, Цю Чэньчжи невозмутимо пояснил:

— Мне прекрасно известно, что, едва принеся меня на гору, глава ордена Истинный владыка Тяньцин вознамерился сжечь моё бесчувственное тело в горниле вместе с клинком.

Тяньцин-цзы в своё время пролил немало чужой крови и потратил уйму сил, чтобы выкрасть бессмертное оружие, рассчитывая с его помощью совершить качественный прорыв в культивации. Однако, заполучив вожаемый трофей, он быстро осознал, что божественный меч абсолютно бесполезен в его руках.

Сверкающее некогда лезвие в ладони главы ордена казалось куском ржавого хлама: оно не могло ранить даже простого смертного, не говоря уже о сотворении чудес.

Разумеется, смириться с подобным исходом Тяньцин-цзы не желал. В поисках разгадки он обратил взор на погружённого в глубокий сон Цю Чэньчжи.

По его расчётам, юноша являлся ничем иным, как отделившимся от меча духовным началом. Чтобы вернуть оружию былую мощь, дух следовало воссоединить со сталью. Недолго думая, глава ордена решил заживо сжечь Цю Чэньчжи в горниле.

Поистине чудовищный замысел.

К счастью для Цю Чэньчжи, божественный меч, брошенный в огонь вместе с ним, в то же мгновение изрыгнул потоки ледяного чёрного пламени. Потусторонний огонь мгновенно поглотил угли горнила и разнёс плавильню в щепки.

Лишь Цю Чэньчжи, покоящийся в самом сердце этого бушующего хаоса, продолжал безмятежно спать. Чёрное пламя нежно окутывало его тело, скользя по коже бережнее, чем руки самого преданного спутника на Пути, и не затронуло даже края его одежд.

Тяньцин-цзы воочию узрел подлинное могущество божественного клинка и понял, насколько свирепо тот оберегает своего духа. Прежде чем глава ордена сумел изобрести новый способ подчинения строптивого артефакта, Цю Чэньчжи внезапно очнулся.

И с этого момента он оставался единственным, кому меч подчинялся беспрекословно.

В понимании Тяньцин-цзы дух и клинок были единым целым. Чтобы направить мощь артефакта в нужное русло, следовало любой ценой умиловить Цю Чэньчжи.

С тех пор глава ордена выказывал ему исключительное почтение и даже позволил своему первому ученику Мо Ханю, одарённому редким талантом к мечу, неотлучно находиться рядом — в надежде, что тот со временем разгадает тайны божественного оружия.

Разумеется, Тяньцин-цзы поведал обо всех этих интригах не по доброте душевной.

При этих воспоминаниях Цю Чэньчжи опустил голову. Указательный палец правой руки привычным движением скользнул по эфесу меча, бережно очерчивая выгравированный иероглиф «Мин».

Если бы в своё время он не заподозрил неладное в приторной вежливости Тяньцин-цзы, если бы не устроил переполох на великом собрании орденов и не припёр к стене старейшину Тайсуй-цзы, пытаясь подробности, грязная правда никогда бы не выплыла наружу.

Нынешнее место почётной старейшины досталось ему лишь потому, что Тяньцин-цзы испугался его ухода и попытался щедрыми дарами загладить былую вину.

"Какая дешёвая попытка купить мою верность", — безучастно подумал Цю Чэньчжи.

Кровавый Демон-Предок, однако, не выдержал его ледяного безразличия и сорвался на крик:

— Он хотел заживо сжечь тебя в печи, а ты продолжаешь проливать кровь за его орден?!

Цю Чэньчжи смерил его равнодушным взглядом.

"Да что ты смыслишь в этой жизни, старый дурак? — мысленно фыркнул он. — Я, между прочим, просто устроил себе оплачиваемый отпуск за счёт заведения, прихватив ораву трудных подростков в Малое Иллюзорное Царство. К тому же, в этом мире совершенствующихся я всё ещё чужак, и лучшего места с бесплатным кровом и полным пансионом мне пока не найти".

Если не брать в расчёт засилье унылых белых одеяний, от которых у него ежедневно рябило в глазах, Орден Великого Небытия на данном этапе казался идеальным прибежищем.

Однако не всем его выбор казался разумным.

— Поверить не могу, что легендарный дух оружия, являющийся миру раз в десять тысяч лет, окажется настолько сентиментальным и преданным, что откажется покинуть этих лицемеров.

Чистый, звонкий голос эхом разнёсся среди скал.

Присутствующие обернулись на звук. К ним, мягко ступая по воздуху, приближался мужчина в лазурном шёлковом халате. В одной руке он держал старый, пожелтевший бумажный зонт на бамбуковых спицах, а другой крепко удерживал пленника. Его лицо озаряла мягкая, дружелюбная улыбка.

На первый взгляд незнакомец походил на благородного учёного мужа, а не на могущественного заклинателя, способного летать без меча.

Однако при его виде раненый змеелюд мгновенно забыл о своих стогах, а Кровавый Демон-Предок побледнел как полотно. Оба они, не раздумывая, пали ниц, касаясь лбом холодной земли:

— Повелитель!

Цю Чэньчжи внутренне подобрался. Его взгляд намертво прикипел к юноше, которого незнакомец безвольно волок за собой.

Красивое бледное лицо Бай Цзыюя сейчас украшали багровые синяки и ссадины вперемешку с дорожной пылью. Лишённый возможности сопротивляться, мальчишка напоминал затравленного, но не сломленного волчонка — он упрямо сверлил своего мучителя полным бешеной ненависти взглядом.

Цю Чэньчжи мысленно прижал ладонь к лицу.

"Да что за напасть? — тоскливо подумал он. — Стоило мне с трудом отбить одного заложника, как эти олухи ухитрились сдать врагам второго! И этот мелкий паршивец огреб по полной программе... Интересно, что сейчас творится с Мо Ханем? Ну почему от них одни неприятности?"

Заметив его недовольство, лазурный господин лишь мягко улыбнулся. Не удостоив и взглядом стоящих на коленях слуг, он неторопливо подошёл к Цю Чэньчжи и вежливо подтолкнул Бай Цзыюя вперёд.

— Прошу, не сердайте, великий дух. У меня и в мыслях не было использовать этого юношу в качестве заложника. Он лишь вел себя излишне шумно, отчего мне пришлось призвать его к порядку. Зато я успел застать весьма занимательный финал вашей беседы.

Бай Цзыюй покачнулся и едва не рухнул на землю, но Цю Чэньчжи вовремя подхватил его. Стоило юноше обрести опору, как вся его волчья спесь мигом испарилась, уступив место преданному и растерянному щенячьему взгляду.

— Старейшина... — дрожащим от волнения голосом пролепетал он. — То, что вы сейчас сказали... это правда? Вы действительно дух божественного клинка? А мой почтенный учитель... он и впрямь хотел сжечь вас в горниле?

"Золотой мальчик" явно успел услышать слишком много лишнего и теперь пребывал в глубоком шоке от деяний собственного наставника. Мальчишке отчаянно требовалось опровержение услышанному и хоть капля утешения.

Глядя на его несчастное лицо, Цю Чэньчжи мгновенно разгадал коварный замысел незнакомца, решившего ударить по самому живому. Он недовольно нахмурился и перевёл тяжёлый взгляд на незваного гостя.

Тот стоял перед ним, не выпуская из рук зонта, и плавно склонился в безупречном приветствии. Его манеры оставались изысканными, а на губах по-прежнему играла тёплая улыбка.

— Если бы не длительное затворничество, я бы удостоился чести встретиться с вами намного раньше. Впрочем, даже сейчас моё сердце трепещет от искренней радости.

Он выпрямился и мягко добавил:

— Моё имя — Сюаньян. Великий дух, не пожелаете ли вы отринуть эти фальшивые праведные ордена и отправиться со мной в Демоническое царство?

Городок Безмятежности

Мин Цзююань сидел в полутёмном углу захудалого трактира, бесстрастно опустошая один кувшин за другим.

Тяжёлая, удушающая аура смерти, исходившая от его фигуры, распугала редких посетителей. Даже хозяйка заведения вместе с трактирным слугой, содрогаясь от ужаса, выставили перед ним все запасы дешёвого вина и поспешно сбежали на улицу, оставив гостя в полном одиночестве.

Откинувшись на спинку шаткого стула у открытого окна, мужчина задумчиво созерцал улицу. Тёмные шёлковые одежды, бледная кожа и мрачный силуэт навевали мысли о неизбежной кончине, а в самой глубине его бездонных глаз клубилась мрачная ярость. Он пил медленно, но хмель отказывался туманить его разум.

Давным-давно кое-кто тоже не питал слабости к вину, но всегда соглашался молча составить ему компанию за столом. В те благословенные дни Мин Цзююань не презирал дешёвое пойло смертных, ведь любой, даже самый скверный напиток, разделённый с этим человеком, превращался в нектар богов.

А после... этот человек всё так же не любил хмельное, но больше никогда не соглашался разделить с ним чашу. И Мин Цзююань продолжал пить скверное вино смертных, ведь без него даже изысканный эликсир бессмертных казался бы лишь горькой полыньёю.

Он вновь наполнил пиалу до краёв.

У его ног уже скопилась груда пустых глиняных сосудов. Вокруг не было ни единой живой души — лишь ледяное безмолвие преданно сопровождало его, словно вечного, всеми покинутого владыку.

"Но он вернётся... Рано или поздно он вернётся ко мне", — упрямо билась в его голове одна и та же мысль.

Мин Цзююань резко вскинул голову. Одним глотком осушив пиалу, он в то же мгновение обратился в бесплотное, ледяное чёрное пламя, которое с тихим шипением растворилось в воздухе. Ни крупички его присутствия не осталось в заброшенном трактире.

Опустевший глиняный кувшин выскользнул из исчезнувших пальцев и с глухим стуком разлетелся на куски, орошая пыльные доски пола редкими тёмными каплями.

Того, кто наконец вернулся в этот мир, он больше не позволит забрать никому.

<http://bllate.org/book/20750/2131358>